

В.А. Поздеев

«Песнь о вещем Олеге»

Историческая баллада написана в 1822; опубликована в 1824. Отдавая дань литературной моде и спорам о балладе как о романтическом жанре, Пушкин пишет балладу, в основе которой летописный рассказ о полупоэтичном событии. Пушкин, по-видимому, обращался к «Истории государства Российского» Карамзина, а также читал так называемую «Львовскую летопись» («Летописец русской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича»), изданную в 1792. Для Пушкина историческая точность уже в 1822 году становится необходимым условием разработки темы прошлого. В черновой программе Пушкин указывает широкий своеобразный эпический план: «Олег — в Византию — Игорь и Ольга — поход». Пушкина привлекала поэтическая сторона летописного рассказа. Он писал А. Бестужеву (в конце января 1825, уже из Михайловского):

«Тебе, кажется, Олег не нравится; напрасно. Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического».

Пушкин выразительно показывает прощание Олега со своим конем:

И гладит и треплет по шее крутой.

Б. Томашевский отмечал, что «Песнь о вещем Олеге» мало связана с творчеством Пушкина начала 1820-х, однако это не так. В балладе разрабатывается один из наиболее важных в творчестве Пушкина и в балладах других поэтов 1820-х (Жуковский, Каменев, Катенин) мотивов: человек и судьба. Олег, названный Пушкиным «вещим», стремится узнать свою судьбу у «любимца богов», однако ответ его вызывает усмешку, недоверие, что и составляет драматический стержень баллады. Пушкин глубоко понимает психологию смертного человека. Олег, какой бы силой и славой он не был наделен, должен сомневаться в предсказаниях и в то же время верить в них. Принципы мифологизированного сознания составляют основу художественного моделирования жизни в балладе. Конь становится символом судьбы, знаковость этого персонажа подчеркивается повторением слова или образа, связанного с конем, во многих последних строчках строф. Во второй строфе Пушкин упоминает Перуна — славянского бога, покровителя грозы, грома, а также княжеской дружины; в народном представлении Перун являлся в образе всадника на коне, он поражал своим оружием прячущегося в различных предметах змеевидного врага.

Предсказание судьбы (жребий) кудесник видит на «светлом челе». Здесь прочитывается мотив: судьба записана в книге, вырезана на камне и т. п. Неизбежность, неотвратимость судьбы в том, что она настигает Олега в момент, когда он бросает вызов ей: «Презреть бы твое предсказанье!» Светлое чело и череп коня, из которого выползла гробовая змея,— это тоже знаки судьбы.

Жанр баллады давал Пушкину право на использование исторического колорита в ущерб исторической точности: это придает пушкинской балладе вид подлинности и безыскусственности.

«Песнь...» Пушкин пишет чисто балладным размером стиха, довольно редким для пушкинской поэзии. Строфа состоит из четверостишия с чередованием четырехстопного и трехстопного амфибрахия, заканчивается двестишием четырехстопного амфибрахия.

В печати холодно отнеслись к балладе Пушкина. В «Сыне Отечества» в «Письме на Кавказ» было сказано, что «Песнь о вещем Олеге» «несколько отстает» от прочих произведений Пушкина. П. Плетнев был огорчен журнальным отзывом. Он написал об этом Пушкину (7 февраля 1825) и назвал «бесчестием» мнение, «будто Олег вещий холоден, без чувств и воображения». Сам он выступил на страницах «Соревнователя» с защитой

баллады Пушкина. В своем разборе Плетнев связал вопрос об оценке «Песни...» с тем, что занимало русскую критику 1820-х.: с национальным характером в литературе и с методом исторического изображения прошлого в художественном произведении.